

– Добро пожаловать, сэр рыцарь, – сказал он, приблизившись к сэру Тристраму, – вы верно и точно сдержали свое слово.

Тут выставили они щиты свои и копья и ринулись друг против друга со всей мощью своих коней. И сшиблись с такой силою, что оба, и кони и всадники, рухнули на землю. Тогда с какой возможно поспешностью они выпростили ноги из стремян и, загородившись щитами, как могучие мужи ударили друг на друга мечами блестящими и жестоко поранили один другого, так что Кровь пролилась на траву. Так рубились они добрых четыре часа, не сказавши друг другу не единого слова. И были доспехи на них изрублены в куски.

– Ах, Господи Иисусе! – сказал Говернал. – Дивлюсь я могучим ударам, какие мой господин наносит вашему господину.

– Клянусь головой, – отвечал слуга сэра Ланселота, – ваш господин нанес не так уж много ударов, как получил.

– Иисусе! – сказал Говернал. – Кто бы мог это выдержать, кроме сэра Паломиды или сэра Ланселота? Разве не достойно жалости, что два столь доблестных рыцаря проливают кровь друг друга?

Так они там стояли оба и плакали и громко рыдали, видя их блестящие мечи, покрытые рыцарской кровью. Но вот наконец заговорил сэр Ланселот и сказал:

– Рыцарь, вы сражаетесь так, что дивно смотреть, лучшего бойца не встречал я в жизни. И потому не соизволите ли вы открыть мне ваше имя?

– Сэр, – отвечал сэр Тристрам, – мне ни перед кем не хотелось бы открывать моего имени.

– Воистину, – сказал сэр Ланселот, – если бы меня спросили, я бы никогда не отказался назвать мое имя.

– Добро вы говорите, – сказал сэр Тристрам. – Тогда я прошу вас сказать мне ваше имя.

– Любезный рыцарь, мое имя – сэр Ланселот Озерный.

– Увы! – молвил сэр Тристрам, – что я наделал! Ведь вы – тот самый человек, кого я люблю более всех на свете!

– Ну, а теперь, любезный рыцарь, – сказал сэр Ланселот, – назовите и вы мне ваше имя.

– Воистину, сэр, я зовусь сэр Тристрам Лионский.

– Иисусе! – молвил сэр Ланселот. – Что за приключение мне выпало на долю!

И сэр Ланселот опустил на колени и протянул ему рукоятью свой меч. И сэр Тристрам также стал на колени и протянул ему рукоять своего меча. Так они уступали друг другу честь победы. А после того они отошли к камню Мерлина, сели на него, сняли оба шлемы, чтобы прохладиться, и поцеловались сто раз.

А после того они сели на коней и поскакали в Камелот, и на пути им повстречались сэр Гавейн и сэр Гахерис, которые поклялись королю Артуру не возвращаться, покуда они не найдут сэра Тристрама.

12

– Поворачивайте коней, – сказал им сэр Ланселот, – ибо назначенный вам подвиг исполнен; я встретил сэра Тристрама. Вот он, смотрите!

Сэр Гавейн обрадовался и сказал сэру Тристраму:

– Добро вам пожаловать, вы избавили меня от тяжких трудов! А что за причина вам, – спросил сэр Гавейн, – приехать в эти края?

– Любезный сэр, – отвечал сэр Тристрам, – я прибыл в эти края из-за сэра Паломиды, ибо мы с ним сговорились сегодня встретиться в поединке у Мерлинова камня, и я весьма удивлен, что от него нет ни слуху ни духу. Там-то по воле случая и встретились господин мой сэр Ланселот и я.

Тут появился и король Артур, и, узнав, что с ними сэр Тристрам, он подошел к нему, взял его за руку и сказал:

– Сэр Тристрам, добро вам пожаловать к нашему двору.

Когда же король услышал про то, как они бились с сэром Ланселотом и жестоко поранили друг друга, он очень опечалился. А сэр Тристрам ему поведал о том, что он прибыл в те края для встречи с сэром Паломидом, и как он спас его от девяти рыцарей и сэра Брюса Безжалостного, и как они нашли у ручья спящего рыцаря. «И этот рыцарь поверг наземь и меня и сэра Паломиды, и щит его был затянут полотнищем. Тогда сэр Паломид меня покинул, а я последовал за тем рыца-